

УДК 821.161.1

Святославский А.В..

**ПЕРВЫЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ СЪЕЗД СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ: ВЗГЛЯД ИЗ XXI ВЕКА
(к 80-летию юбилею)**

Аннотация. Автор анализирует динамику формирования образа Первого Всесоюзного съезда писателей (1934 г.) в отечественном литературоведении и рассуждает о значении учрежденного съездом Союза советских писателей.

Ключевые слова: Первый Всесоюзный съезд советских писателей, Союз советских писателей, советская литература, творческие союзы России, Сталин и литература.

*Съезд похож на огромный завод,
на котором загадано создать в литературе советского героя.*

М. Пришвин

В августе сего года мы отмечаем 80-летие Первого Всесоюзного съезда советских писателей (1934 г.). Собственно, отмечает не вся страна. Абсолютное большинство граждан о дате сегодня уже не знает. Допущу даже, что молодежь не знает ни одного имени из участников этого форума, поскольку, как недавно выяснилось в интервью, – победительница конкурса «мисс Москва» 2014 года не слыхала даже о Юрии Гагарине. Правда, дело не только в неграмотности. С начала 1990-х нас усердно приучали к тому, что все советское плохо. И закономерно приучали. Потому что до этого нам внушали, что «советские слоны лучшие в мире».

И вот теперь, во втором десятилетии XXI века, можно попытаться критически оценить оба предшествующих периода и решить, нужна ли вообще на данный момент советская литература, ее история, ее авторы, ее события. Этот вопрос ставится профессиональными филологами и некоторыми читателями. Кстати, в последнее время в среде педагогов и просветителей ставится также курьезный вопрос о том, почему в таком неправильном и тоталитарном государстве как

СССР к 1990-м годам уровень общей и литературной грамотности был значительно выше, чем среди нынешнего свободного поколения юристов, экономистов, менеджеров, маклеров, брокеров, дилеров и мерчандайзеров, выросших и получивших образование в свободную демократическую эпоху? Так что круглые даты советской литературной истории дают повод кое-что вспомнить и порассуждать.

Итак, о Первом писательском съезде и вытекавших из него событиях знает теперь лишь узкий круг филологов и историков. При этом старшее поколение помнит, сколько внимания уделялось съезду как важнейшей вехе в истории отечественной литературы в советское время. Причем, не только в 1930-е – по свежим следам – но и в 1950-60-70-е... Насколько вообще актуальна тема Первого съезда сегодня? В данной статье автор постарается проследить, какие изменения претерпевало значение съезда для отечественной культурной истории с 1930-х годов до современности. Желающих подробнее ознакомиться с характером проведения самого съезда рекомендуем, например, работу В.Э.Моциэнка [12].

На заключительном этапе горбачевской «перестройки» и «гласности», в 1990-м году, издательство «Советский писатель» переиздало – впервые с 1934 года – Стенографический отчет Первого Всесоюзного съезда советских писателей. Сам по себе факт примечательный. За десятилетия пафосного восхваления данного явления советской литературной истории наиболее полный документ, дающий представление о съезде, не переиздавался. Он был переиздан лишь тогда, когда всюю шло критическое переосмысление сформированных в СССР образов культурных явлений. В написанной Вл. Вороновым вводной статье к новому изданию отмечалось: «Первый съезд писателей ушел в историю – литературы и общества. Один этот факт побуждает ответить, хотя бы очень кратко, на ряд неотложных вопросов – о месте писательского съезда в духовном развитии страны, о его связи с предшествующим и последующим периодом художественного процесса. Да, он стал вехой в развитии художественной отечественной культуры, но какой вехой? На этот вопрос советское литературоведение пока не ответило» [7; С. 3]. Вывод звучит неожиданно. «Ну как же не ответило, – хочется спросить автора статьи, – если оно столько этим занималось?!». В чем же дело?

На наш взгляд, советское литературоведение как раз достаточно четко определяло значение съезда, но определяло его с позиций идеологии того времени, которая несколько трансформировалась по ходу истории. Отсутствие переизданий стенографического отчета за столь долгий доперестроечный период объяснялось тем, что, как часто бывало в СССР, – читателю предлагалось не оригинальное изложение событий (хотя и прошедшее цензуру по свежим следам), но вторичные источники, трактующие все так, как надо. В стенограмме же можно было найти ряд выступлений, звучавших не совсем в унисон с заданной «линией партии» (Ю.Олеша, Б.Пастернак), и даже выступления тех, кто позднее оказался вообще *persona non grata* (Н.Бухарин, например). Зачем было смущать читателей? Сама по себе «веха» определялась как водораздел между метаниями незрелой советской литературы и новой эпохой стабильности,

зрелости в литературе, вооруженной правильным методом социалистического реализма и направляемой партией. Так, например, в «каноническом» для брежневской эпохи (правда, предельно скучном) вузовском учебнике литературы XX в. под ред. А.И.Метченко и С.М.Петрова отмечался «небывалый успех Первого съезда писателей и его всемирно-историческая роль» [9; С. 15]. То есть значение съезда виделось тогда критически важным в т. ч. и для мировой, не только советской, литературы.

Если отвлечься от характерной восторженной риторики, то значение съезда определялось постановкой литературы на службу актуальным задачам социалистического строительства под руководством партии. Руководство было крайне необходимо по причине разброда, шатаний, разного рода грехов как идеологического, так и морально-бытового плана, имевших место в писательской среде (как тут не вспомнить сталинское знаменитое «других писателей у меня для товарища Поликарпова нет»). Взятие литературы под партийный контроль на самом деле никого не должно было удивлять ни тогда, ни теперь, ибо вытекало из основной идеологической доктрины партии – руководить народом и политическим процессом.

Установка была дана Лениным в статье «Партийная организация и партийная литература», увидевшей свет в большевистской газете «Новая жизнь» еще за тридцать без малого лет до рассматриваемых нами событий (1905 г.). Ильич писал тогда, что «литературное дело должно стать составной частью организованной, планомерной, объединенной социал-демократической партийной работы» [10; С. 101]. Там же, кстати, прозвучала популярная до сих пор максима «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя» [10. С. 104]. Другое дело, что речь шла именно о партийном руководстве, то есть о ВКП(б) – применительно к 1930-м гг., а не о руководстве со стороны разного рода самозванных писательских организаций, присвоивших себе право говорить от имени народа, партии и государства, как это делала Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП) на рубеже 1920-30-х гг. Поэтому защита писателей от крайне левого радикализма РАППа – со стороны руководства партии и лично Сталина – выглядела – тогда вполне здоровой и действительно отвечающей интересам либерализации литературного процесса, в котором участвовали не только ортодоксы пролетарской (причем, по-рапповски понимаемой) идеологии, но и разного рода попутчики или яркие индивиды, в принципе, не чуждые советскому социализму, но идущие своим путем (А.Платонов, М.Булгаков, М.Пришвин...).

Однако вернемся к тому, какое видение смыслов, целей, задач и вех задал сам съезд. Об этом с первых слов попытался сказать М. Горький, открывая съезд на вечернем заседании 17 августа 1934 г. «Уважаемые товарищи, – обратился он к собравшимся в Колонном зале Дома Союзов, – прежде, чем открыть первый за всю многовековую историю литературы съезд литераторов советских социалистических республик, я – по праву председателя оргкомитета союза писателей – разрешаю себе сказать несколько слов о смысле и значении нашего съезда. Значение это – в том, что прежде распыленная литература всех наших народностей выступает как единое целое

перед лицом революционного пролетариата всех стран и перед лицом дружественных нам революционных литераторов» [14; С. 1].

То есть, выходит так, что главное виделось Горькому в объединении литератур народов СССР – как пример для революционного пролетариата и «революционных» литераторов во всем мире. Звучит красиво, однако едва ли это действительно было главной целью созыва съезда и создания Союза советских писателей, исходя из установки Ленина и политики партии. Но обратимся вновь к выступлению основателя соцреализма. Далее, оговорившись, что единение не ограничивается чисто географическим фактором, а означает также единство цели, Горький продолжил: «Мы выступаем в эпоху всеобщего одичания, озверения и отчаяния буржуазии, отчаяния в своем освещении ее идеологического бессилия, ее социального банкротства, в эпоху провала всех кровавых попыток возвратиться путем фашизма к эпохе феодального средневековья. Мы выступаем как судьи мира, обреченного на гибель, и как люди, утверждающие подлинный гуманизм, гуманизм революционного пролетариата, гуманизм силы, призванной историей освободить весь мир трудящихся от зависти, подкупа, от всех уродств, которые на протяжении веков искажали людей труда. Мы – враги собственности, страшной и подлой богини буржуазного мира, враги зоологического индивидуализма, утверждаемого религией этой богини. Мы выступаем в стране, где пролетариат и крестьянство, руководимые партией Ленина, завоевали право на развитие своих способностей и своих дарований и где рабочие и колхозники ежедневно, разнообразно показывают свое умение пользоваться этим правом. Мы выступаем в стране, освещенной гением Владимира Ильича Ленина, в стране, где неутомимо и чудодейственно работает железная воля Иосифа Сталина (бурные, продолжительные аплодисменты)» [14. С. 1].

Как видно, обещанной четкой формулировки цели Горький так и не дал, взамен произведя более характерный для политического пропагандиста, чем для классика изящной словесности, пассаж «революционной трескотни», как называл это Ленин. Смысл этой «хрии» с анафорами состоит в том, что всюду все плохо, но у нас хорошо – благодаря Ленину и Сталину. И мы стоим надо всем миром. «Мы судьи гибнущего мира» – это, пожалуй, уже в духе Игоря Северянина.

Осуждению Запада и буржуазной литературы было посвящено и программное по сути выступление секретаря ЦК ВКП(б) А.А.Жданова в первый день работы съезда. Впрочем, Жданов «прошелся» заодно и по отечественной литературе прошлого: «Быть инженером человеческих душ – это значит обеими ногами стоять на почве реальной жизни. А это в свою очередь означает разрыв с романтизмом старого типа, с романтизмом, который изображал несуществующую жизнь и несуществующих героев, уводя читателя от противоречий и гнета жизни в мир несбыточного, в мир утопий. Для нашей литературы, которая обеими ногами стоит на твердой материалистической основе, не может быть чужда романтика, но романтика нового типа, романтика революционная. Мы говорим, что социалистический реализм является основным методом советской художественной литературы и литературной критики...» [14. С. 4].

Далее вновь выступил Горький с подробным докладом об истории отечественной и отчасти мировой литературы, озаглавленным, впрочем, «О советской литературе». Пафос осуждения чужого и восхваления своего здесь также цементировал весь текст. Пожалуй, основным лейтмотивом прозвучало осуждение буржуазности, свойства которой мешали и мешают мировой литературе подняться до уровня молодой советской литературы. Что характерно, – преодоление буржуазности происходит, по Горькому, благодаря освобождению советского писателя от всего, что сковывало прежних мастеров слова и сковывает наших современников за рубежом. С этого периода начинается активная война образов, когда многие советские писатели считают истинную свободу привилегией СССР, в то время как русская литература в эмиграции, наоборот, провозглашает себя хранительницей свободы слова и ненавидит советскую диктатуру как могильщика этой свободы. В дальнейшем советские идеологи мобилизуют силы ученых гуманитариев, чтобы доказать, что истинная свобода только здесь и сейчас, а воплощением ее в литературе является творческий метод социалистического реализма. Споры об истинной свободе остались острым камнем преткновения в русской культуре и в гуманитарной науке по сей день.

В докладе Горького прозвучал исторический анализ литературного процесса, от которого, по нашему крайне субъективному мнению, докладчику лучше было отказаться. Но мы судим с позиций XXI века, а Горький пребывал тогда в году 1934-м. Горький следовал известному принципу построения эпидейктической речи, начав с осуждения плохого. В критике русской классической литературы «буревестник революции» был весьма категоричен. Досталось и Тургеневу, и Достоевскому, и даже сатире Гоголя («Мертвые души», – заявил Горький, – это не так уж характерно для помещной, феодальной России, – Коробочки, Маниловы, Петухи и Собакевичи с Ноздревыми влияли на политику самодержавия только пассивным фактом их бытия и – как кровопийцы крестьянства – не очень характерны» [14. С. 12]. То есть, не тех героев создал Гоголь, надо было показать истинных «кровопивцев»!

Но какие же все-таки цели и задачи ставит Горький перед съездом, а значит, и съезд перед советской литературой? В докладе сказано: «Основным героем наших книг мы должны избрать труд, т.е. человека, организуемого процессами труда, который у нас вооружен всей мощью современной техники, человека, в свою очередь делающего труд более легким, продуктивным, возводя его на степень искусства» [14. С. 13]. Основной конфликт старой и западной литературы – конфликт индивида и общества, индивида и государства – в СССР, по Горькому, исчерпал себя. Тогда чем же должна питаться советская литература? Горький отвечает: «Повторяю: основной и главной темой литературы дореволюционной служит драма человека, которому жизнь кажется тесной, который чувствует себя лишним в обществе, ищет в нем для себя удобного места, не находит его и – страдает, погибает или примиряясь с обществом, враждебным ему, или же опускаясь до пьянства, до самоубийства. У нас, в Союзе социалистических советов, не должно, не может быть лишних людей. Каждому гражданину предоставлена широкая свобода развития его способностей, дарований, талантов. От личности требуется только одно: будь честной в своем отношении к героической работе создания бесклассового общества» [14. С. 14].

Среди других задач советской литературы, по Горькому, актуально акцентирование эмоциональной стороны формирования нового человека (не только рассказать о нем, но выявить психологию); отражение нового советского пейзажа (гигантские фабрики вместо церквушек); увеличение числа женских образов в драматургии как отражение равноправия полов; осуждение мещанства; продвижение в издательства литературы на языках народов СССР.

В заключительной части доклада Горький наконец переходит к ответу на вопрос, для чего и зачем писатели объединяются в единый профессиональный творческий союз. «Союз писателей создается не для того, чтоб только физически объединить художников слова, но чтобы профессиональное объединение позволило им понять свою коллективную силу, определить с возможной ясностью разнообразие направлений ее творчества, ее целевые установки и гармонически соединить все цели в том единстве, которое руководит всею трудотворческой энергией страны. Речь идет конечно не о том, чтоб ограничить индивидуальное творчество, но чтобы предоставить для него широчайшие возможности дальнейшего мощного развития» [14. С. 17]. К сожалению, Горький вновь производит складный, но трудный для понимания текст, в котором словам просторно, а смыслу неуютно. Придется подвергнуть текст анализу. После слова «направлений» в оригинале стоит еще более затрудняющая понимание запятая, видимо, ошибка расшифровки стенограммы, и мы ее при цитировании опустили. Итак.

1. Союз позволит писателям понять свою коллективную силу (NB: возможна даже аллюзия к платоновской Пролетарской Силе!).
2. Союз поможет писателям определить с возможной ясностью разнообразие направлений творчества своей коллективной силы (sic!)
3. Союз поможет писателям определить целевые установки своей коллективной силы.
4. Союз поможет писателям гармонически соединить все цели в том единстве, которое руководит всею трудотворческой энергией страны.

После проведенного анализа становится понятно, почему первый день съезда отчасти разочаровал слушателей и кое-кому показался скучным.

«Зачем организован съезд литераторов, – риторически спрашивает Горький – и какие цели ставил перед собой будущий союз? Если только цели профессионального благоустройства работников литературы, тогда едва ли следовало городить столь грандиозный огород. Мне кажется, что союз должен поставить целью своей не только профессиональные интересы литераторов, но интересы литературы в ее целом. Союз должен в какой-то мере взять на себя руководство армией начинающих писателей, должен организовать ее, распределить ее силы по различным работам и учить работать с материалом прошлого и настоящего» [14. С. 18]. То есть союз должен стать кузницей молодых кадров. Писателей надо научить. Научить как надо. Пожалуй, в этом вся суть:

создание ССП есть разрешение творческого парадокса художника, который хоть и хорош, но сам не все умеет правильно делать. Таким образом, речь идет о своего рода профсоюзе литераторов и школе молодых талантов.

По-своему и более компактно формулирует цели советской литературы, опираясь на творческое и жизненное кредо Горького, Дмитрий Быков: «Целью революции утверждалось создание нового человека, лишённого социального эгоизма, собственнического инстинкта, религиозного чувства в его архаическом, трусливо-рабском варианте. Сверхчеловек – вот истинная цель мирового экономического и социального переустройства; Горький пришел к этой идее еще до того как прочел и полюбил Ницше, поскольку идея носилась в воздухе» [6; С. 14]. Это любопытно, ибо советское общество было призвано создать сверхчеловека, а Горький в то же время оказался призван на роль вдохновителя и основателя новой литературы в новом обществе, ведь еще задолго до начала строительства социализма выносил в себе специфическое отношение к действительности. Отсюда и его отношение к образам Достоевского, да и Гоголя. Они не знали, Горький знает, как надо.

Весьма важное для поднятой темы высказывание о том, каково же все-таки значение съезда как вехи в истории литературы, осталось из выступления на съезде писателя-мариниста Леонида Соболева: «Партия и правительство дали советскому писателю решительно все. Они отняли у него только одно – право плохо писать» [14; С. 203–204]. Именно здесь ставится, по нашему мнению, самый интересный вопрос: каково будет «качество» новой советской литературы послесъездовского периода. Что такое «плохо писать» и что, соответственно, означает «писать хорошо». Ведь то, на что обращал внимание Горький (больше героев труда; больше национальной литературы, больше равноправных женщин-героинь, больше фабрик и заводов вместо традиционного православного пейзажа и т.д.), – не так уж важно, хотя, конечно, это ограничивает художника в выборе тематики, так же, как ограничивает и наложенный в те годы запрет на иные темы (жестокости коллективизации, репрессии, инакомыслие). Однако тематика произведений и даже так называемая идеологическая направленность их не говорит о «качестве продукции», выдаваемой «инженером человеческих душ» читателю. Насколько эта продукция окажется долговечной и востребованной? Маяковский и Тургенев смотрели на мир совершенно разными глазами, некоторые набокские вещи приводили в ярость Ивана Бунина, сам Набоков наотмашь ругал «Доктора Живаго», Твардовский не любил прозу Паустовского и так далее... Но созданное этими непохожими и подчас враждующими писателями стало эстетически востребованным. Причем уже не одним поколением. И вот, на провозглашенном Первом съезде этапном рубеже литературной истории нужно было осознать, что предстоит состязаться с теми, кто уже входит в сокровищницу мировой классики, при том, что писали и пишут – неправильно или не совсем правильно. Писали в Российской Империи, пишут на Западе, в среде русской эмиграции... Именно здесь мы сталкиваемся с трудной проблемой эстетической ценности литературы. Сам доклад и вступительное слово Горького на съезде построены, не побоимся сказать, примитивно, в духе крайностей вульгарного марксизма (все буржуазные писатели по

определению ущербны, советские по определению во многом свободны от их недостатков). А где граница этой самой «буржуазности»? Ведь и сам Горький («судья гибнущего мира») не такой, как надо, он буржуазный – по рождению в мелкобуржуазной среде, по принадлежности к стране, где заправляла буржуазия...

В принятом на съезде Уставе ССП содержалась красивая, но достаточно расплывчатая формулировка целей союза: «Союз советских писателей ставит своей целью создание художественных произведений, достойных великой эпохи социализма».

Но вернемся к динамике отражения Первого съезда в отечественном литературоведении. Постепенное изменение отношения к ССП и Первому съезду в СССР оказалось в прямой зависимости от отношения к Сталину и так называемому культу личности. В.А.Антипина [1] выделяет четыре периода в истории формирования образа Первого съезда в отечественном литературоведении: I период с 1930-х по начало 1950-х, когда подчеркивалась выдающаяся роль Сталина в организации съезда и литературного процесса. II период – с середины 1950-х по середину 1960-х, когда основные идеологические установки сохранялись, но осуждалось преувеличение личных заслуг Сталина и возвращались в положительный контекст имена некоторых участников, попавших после съезда под разного рода политические репрессии. III период – с середины 1960-х до середины 1980-х, когда, как пишет исследователь, «авторы историко-литературоведческих работ /.../ отмечали недостаточную освещенность литературного процесса 1930 – 1940 годы в исторической литературе, но подлинных причин этого явления раскрыто не было» [1; С. 56]. И IV период – с середины 1980-х до современности, когда появляется осуждение тоталитаризма в СССР как тормоза творческого процесса.

Честно говоря, мы не увидели ни в аргументах данного исследователя, ни в работах по истории советской литературы разницы между указанными вторым и третьим периодами. Что же касается серьезного пересмотра отношения к съезду, к ССП и к литературному процессу в СССР, то он, конечно, датируется концом, а не серединой 1980-х, то есть временем, когда горбачевская гласность и перестройка набрали силу. И уж совершенно неверно, на наш взгляд, объединять в один период время, начиная с сер. 1980-х и начало XXI в. «Горбачевский» период проходил, как и хрущевская «оттепель», под лозунгом «возвращения к ленинским принципам партийной жизни». В отношении же Первого съезда в конце 1980-х проявилась весьма характерная для того времени черта (во времена «оттепели» ее не было) – это всесторонняя реабилитация Николая Бухарина, который был представлен как верный ленинец, противостоящий Сталину, и потому неблагоприятно осужденный и уничтоженный впоследствии. Он мог бы, дескать, направить страну по менее драматическому сценарию. Воронов в указанной работе отмечает, что на I съезде «при обсуждении докладов делегаты знали – и об этом было прямо сказано, – что доклад Жданова – официальный, а доклад Бухарина построен на личных позициях, личных оценках» [7; С. 5]. Доклад Жданова писался под контролем и при указаниях Сталина. Таким образом, в годы гласности выносился достаточно жесткий приговор всей политике партии в области литературы в

1930-х гг., но правомерность и перспективность советской власти и идеи социалистического строительства еще не подвергалась сомнению. «Ущерб молодой культуре был нанесен невосполнимый; последствия его ощущаются на протяжении всех последующих десятилетий. И то покаяние, очищение, которое переживает советская литература в конце XX века, проходит параллельно с осмыслением, изучением примечательных, но и суровых уроков первого писательского съезда», – заключает Воронов [7. С. 8] и отмечает далее, что принятая в тот короткий исторический период позиция во многом сводилась к сожалениям о том, что страна пошла не по ленинскому, а по сталинскому пути, применительно же к Первому съезду оставалось сожалеть, что победили культивировавшие партийность догматики, – и не были услышаны голоса сторонников «гуманизма» в литературе (Б.Пастернака, А.Платонова, Ив.Катаева, А.Воронского).

Распад СССР (1991 год), роспуск КПСС и окончательное падение советской власти в 1993 г. означали новый поворот. В силу отмечавшейся еще Н.Бердяевым антиномичности русского характера и по теории социального маятника А.Ахиезера, в публикациях тех лет нужно было ожидать попраiania советских «святынь» и радикальной дискредитации всего, чему присягали прежде. Так и случилось. Поэтому во многих работах возобладало резко критическое отношение ко всем творческим союзам, включая, естественно ССП, к государственной политике собирания всех писателей под одну крышу – под контроль партии. Остались в прошлом реверансы в сторону «социализма с человеческим лицом», который состоялся бы дескать, если бы победила бухаринская линия, на месте Сталина оказался бы Киров или сам Бухарин, и ленинские принципы партийной жизни были бы соблюдены. Последнее теперь было разоблачено как блеф и, на наш взгляд, небезосновательно. Но теперь крайность проявилась в том, что ССП порой выставлялся как исключительно негативное явление, орудие насилия власти и Сталина над писателями и, к тому же, – рассадник интриг, зависти, подковёрной борьбы и др. пороков общежития (что удобно для реализации принципа «разделяй и властвуй»). Однако, парадокс в том, что после ухода в прошлое соцреализма, руководства КПСС и советского строя как такового – ССП начал дробиться, однако творческие союзы как таковые себя сохранили, умирать не захотели, причем, на территории РФ возникли два противостоящих союза: Союз писателей России (СПР) и Союз российских писателей (СРП). Плюс Международное Сообщество писательских союзов. А значит, творческий союз в принципе оказался востребован не только тоталитарной властью для управления литературой сверху, но востребован в современной России для иных целей.

В последние годы в силу обострения целого ряда социальных и духовных проблем современной России мы все больше сталкиваемся с ностальгией по советскому прошлому и с сожалениями о том, что вместе с перестройкой и распадом советской государственности мы немало потеряли. Меняется ли отношение к советской литературе по сравнению с 1990-ми гг.? Безусловно. Меняется ли во многих российских умах отношение к Сталину по сравнению с периодом кон. 1980-90-х? Да. Уже на книжных полках магазинов, в исследованиях социологических служб немало свидетельств тому, что маятник двинулся в сторону политической реабилитации Сталина [17].

Возможно, пришло время более-менее беспристрастных оценок роли Первого съезда и заданного им курса отечественной литературы. Во-первых, профессиональному историку надо отказаться как от всякого рода ностальгии, так и от высокомерия по отношению к прошлому. Исторический процесс пошел так, как он объективно должен был пойти – как вода по изгибам рельефа, – и нет места в истории сослагательному наклонению. Все то, что происходило с литературой в сер. 1930-х было глубоко и всесторонне обусловлено предыдущим ходом истории и предыдущими событиями. Эпоха пред- и послереволюционного брожения чувств и умов, отразившись в конгломерате художественных и литературных направлений, течений, групп, будучи сама по себе ценной и эстетически, и культурологически, – должна была рано или поздно исчерпать себя. Что могло прийти на смену? Жесткая линия централизации в культуре вообще и в литературе в частности. Можно ли было ожидать, что в стране, где впервые усилием сверху было отменено рыночное хозяйство и вводилась жесткая плановая экономика, литература останется не затронутой процессом огосударствления? Нет. Можно ли было культивировать индивидуализм на фоне коллективизации всего и вся как генеральной линии партии? Конечно, нет. А откуда взялся сам этот «авторитарно-тоталитарный» режим, который так осуждали в 1990-х? Ведь и победить революция в России, по большому счету, могла только идя путем жесткого подавления личного во имя общественного, во имя государственнического. Твердая рука, приоритет крупных задач госполитики, культ харизматического лидера, ставшего по сути отцом нации, – все это было закономерно. Так что, по сути, отдавали они себе отчет о последствиях или нет, но уже в 1917 г. за все это «проголосовали» те, кто принял революцию и поставил себя на службу новой власти. В том числе, такие разные литераторы, как Блок и Серафимович, Брюсов и Пастернак, Платонов и Маяковский... Кто-то, впрочем, к 1934-му году успел разочароваться, кто-то застрелиться, кто-то уехать за рубеж, но многие приветствовали и факт созыва Первого съезда, и создание Союза писателей, и появившуюся возможность апеллировать к партийно-государственным органам по разным творческим и бытовым вопросам за помощью.

Писатели, активно включившиеся в социалистическое строительство, просто объективно оказались заложниками известного противоречия между личным и общественным, индивидуальным и коллективным. Многие искренне приветствовали процесс созидания нового, грандиозного, неведомого. Пастернак, отбирающий у метростроевки отбойный молоток на сцене Первого съезда, оказался своего рода знаковым образом. Да и творческие командировки на стройки социализма приносили не одни разочарования, но и гордость за державу. И самое главное, не только романтики революции, вроде Фадеева, но и такие «самостоятельные» и плохо вписывавшиеся в командную игру писатели как Булгаков, Пастернак, Ахматова видели-таки в Сталине явление большого масштаба и по-своему искали отношений с ним совсем не корысти ради, но из творческих позывов. По-своему сталинистом был даже Андрей Платонов, несмотря на страшные разгромные отзывы о его творчестве, сделанные собственноручно вождем.

Погружаясь в материалы тех лет, ощущаешь, что не столько факт самого съезда или идея объединения писателей омрачали атмосферу форума, сколько то, о чем мы писали в начале:

словоблудие, пустая трескотня, подчас неискренние восторги и лизоблюдство – пороки, которыми в той или иной мере и до, и после съезда была поражена немалая часть советских писателей. Это порождало целый ряд разочарований, нашедших отражение в неофициальных разговорах, в дневниковых записях. Осуждению собратьев по перу подвергались в тот и последующие периоды откровенно мещанские попытки получше обустроить свой быт и использовать членство и работу в структурах, вроде ССП и Литфонда, для получения благ. Стяжательство и карьеризм стали обратной стороной медали процесса «оздоровления» советской литературы, предпринятого партией в 1930-е гг. через бюрократизацию литературного процесса. Дело, конечно, не только в нарушении моральных принципов большевизма, декларирующих скромность, подчинение личных потребностей и амбиций коллективным интересам и т. д. Дело в выхолащивании здорового начала в литературе, в отходе от искусства к ремесленничеству, от искренности в литературе к сервилизму, что обесценивало художественную литературу. Пастернак, впоследствии охарактеризовавший вскоре разразившуюся Отечественную войну как своего рода «очистительную бурю», призванную сплотить народ и оставить в прошлом все гадости советского бытия 1930-х, с возмущением писал жене в августе 1941-го: «Меня раздражает все еще сохраняющийся идиотский трафарет в литературе, делах печати, цензуре и т.д. Нельзя после того, как люди нюхнули порохи и смерти, посмотрели в глаза опасности, прошли по краю бездны и пр. и пр., выдерживать их на той же глупой, безотрадной и обязательной малосодержательности, которая не только на руку власти, но и по душе самим пишущим, людям в большинстве неталантливым и творчески слабосильным, с ничтожными аппетитами, даже и не подозревавшим о вкусе бессмертия и удовлетворяющимся бутербродами, зисами и эмками и тартинками с двумя орденами». [5; С. 164].

Увы, даже война, оставив советской литературе и шедевры на века, вроде «Василия Теркина», не могла исправить и очистить все, как хотел бы Пастернак. Советская литература, как и всякая литература, обречена была остаться сферой, где добродетель и порок, высокое искусство и произведения на потребу власти или на потребу масскульту, – соседствовали рядом. По-прежнему личный талант, индивидуальное мастерство, личная порядочность – определяли место того или иного писателя в истории культуры, безотносительно его места в советской литературно-бюрократической иерархии.

Но выхода из этой ситуации не было. Концепция формирования нового человека высокой морали, мягко говоря, оказалась нежизнеспособной, если даже «инженеры человеческих душ» нередко показывали плохой пример. А с другой стороны, чего же плохого, если государство оказывает материальную поддержку и даже формирует из верного корпуса мастеров слова своего рода социальную элиту? «После войны все заметнее становилась принадлежность писателей к элитному слою советского общества. При этом необходимым условием сохранения льгот и привилегий со стороны власти являлось участие ведущих литераторов в общественной деятельности и работе во всевозможных бюрократических структурах, что отвлекало многих из них от творчества», – верно замечает Антипина [2; С. 90]. По поводу «отвлечения от творчества»

сразу вспоминается трагическая фигура Александра Фадеева. Все блага бюрократической его жизни на вершине литературного Олимпа и благоволение вождя – в конечном счете отождествились годами страшного надрыва, когда писатель оказался практически лишен возможности писать. А если и удавалось писать урывками, то потом надо было «выпрямлять» написанное под линию партии (история с первой редакцией «Молодой гвардии»). Прозорливо обрисованный еще на исходе 1920-х булгаковский «Массолит» процветал, и выходило так, что без него прожить не получается.

В государстве, еще далеко отстоящем от коммунистического изобилия, идеологический карьеризм и стяжательство осуждалось (см. выше у Горького: «Мы – враги собственности, страшной и подлой богини буржуазного мира, враги зоологического индивидуализма»), но ССП вплоть до кризиса 1990-х остался хронически болен этой болезнью. Литератор, не пожелавший вступать в союз (вроде Владимира Богомолова), выглядел белой вороной, и его просто не понимали. А важным стимулом вступления навсегда остались мотивы общественного признания, почестей, материального благополучия.

Однако есть и обратная сторона медали. Поглядим трезво на ситуацию глазами писателей той эпохи. Ведь были и полунищие литераторы, причем, из достойных, порой обладавших недюжинным талантом. Возможность господержки в условиях отсутствия рынка в СССР оказывалась для них единственным средством к существованию (вспомним мыкавшихся в крайней жилищной и бытовой стесненности Мандельштама, Платонова, Паустовского...). Таким образом, в условиях той социально-экономической системы иначе не могло и быть. И мы не можем сегодня огульно осуждать стремление людей, переживших нелегкие годы войн, голода и разрухи, получить квартиру, дачу, путевки в санатории или даже машину через писательские организации (ведь, если машина для многих была роскошью, то, скажем, для такого специфического писателя, как Пришвин, она была инструментом творчества).

Но более того, сама идея формирования советского писателя как человека высокой морали, владевшая умами бывших РАППовцев и не их одних, была идеей абсурдной и тупиковой не только потому, что «сотворенный по образу и подобию» нес на себе печать первородного греха, но и потому что случись такое – это было бы вредно для самой литературы. Впрочем, произведения, построенные на примитивном схематизме в изображении борьбы добра и зла, одобренные «правильной» идеологией, – в советской литературе были всегда. Но были и писатели, понимавшие, что надо не стремиться к этому, а уходить от этого, как заметил, выступая на съезде Юрий Олеша: «Нельзя описать третье лицо, не сделавшись хоть на минуту этим третьим лицом. В художнике живут все пороки и все доблести» [14; С. 234].

Итак, основной вывод – это закономерность создания единого Союза писателей под управлением партии в тех условиях. Положительным фактором видится также ликвидация все возраставшего диктата РАППа (а заодно и возможных попыток со стороны других литорганизаций), пытавшегося

захватить всю власть в литературе, «казня и милуя» по своему усмотрению. Целый ряд литераторов получил возможность работать, не будучи обвиняем по критериям социального происхождения и особенностей своего прошлого. Во-вторых, само по себе создание творческого союза, профессионального союза – естественно. Так, например, Союз русских писателей и журналистов существовал в это же время в русской эмигрантской среде во Франции. Как мы уже отмечали, творческие союзы сохранили себя и в современной России. Природа литературного творчества сложна, и не все писатели стремятся к отшельничеству. Принцип «коллективной силы», о которой говорил Горький, тоже сохранил себя и проявляются в разного рода коллективных письмах писателей (например, известное «письмо 74-х», ставшее основой объединения Союза писателей России в 1990 г. и др.).

В-третьих, непросто оказывается и вопрос о личной роли Сталина в руководстве литературой, который всегда обсуждается в связи с Первым съездом и созданием ССП. Проще всего было сначала приписывать Сталину едва ли не все успехи в нашей культуре той эпохи, а потом, во времена «оттепели» и «гласности» списать на него одного все грехи системы и грехи тех, на ком она держалась. Сколько бы сама КПСС после XX съезда ни обвиняла Сталина и ни осуждала культ личности (созданный при помощи этой же самой партии), но – отличавшие вождя художественный вкус, книжная образованность, хорошая память, страсть к чтению – оказались во многом на пользу советской литературе. Этим отчасти объясняется интерес к его личности со стороны некоторых выдающихся классиков литературы того периода, художественный талант которых не подлежит сомнению. История повторяется: так, например, советское литературоведение всегда старалось «лягнуть» факт личного цензорства, установленного Николаем I для Пушкина, будто не замечая личного цензорства Сталина для целого ряда советских писателей. Хотя и то и другое опять же – вполне естественно. И подобно тому, как Николай мог благословить то, что оказалось непроходным через официальную цензуру в лице гр. С.С.Уварова и кн. М.А.Дондукова, так и Сталин мог принять благоприятное для литератора – и для нашей литературы в конечном счете – решение. Мы не можем не сетовать по поводу того, что Михаил Булгаков писал «в стол» прозу, а пьесы его или не принимались, или быстро снимались с постановки. Но приходится напоминать себе, что время-то, по словам Ахматовой, «было апокалипсическое» и «беда ходила по пятам за всеми нами» [3; С. 33–34]. Поэтому в тех условиях один только факт возвращения Сталиным на сцену «Дней Турбиных», а Михаила Булгакова – в штат МХАТа означал для писателя возможность жить, писать и, наконец, умереть в своей постели на руках любящей жены, не сгинув в неизвестности ГУЛАГа. И это благодаря чуткому уху Сталина к «качественной» в художественном смысле литературе. Еще задолго до своего известного телефонного звонка Мастеру, Сталин разъяснил свою позицию в ответном письме драматургу Биллю-Белоцерковскому от 2 февраля 1929 г. Билль тогда прислал вождю донос на Булгакова как на подлежавшего изоляции в отечественной литературе за свою непролетарскую сущность, проявленную в творчестве писателя. «Почему так часто ставят на сцене пьесы Булгакова? – повторяет вопрос корреспондента Сталин в письме. – Потому, должно быть, что своих пьес, годных для постановки, не хватает. На безрыбье даже “Дни Турбиных” –

рыба. Конечно, очень легко “критиковать” и требовать запрета в отношении непролетарской литературы. Но самое легкое нельзя считать самым хорошим. Дело не в запрете, а в том, чтобы шаг за шагом выживать со сцены старую и новую непролетарскую макулатуру в порядке соревнования, путем создания могущих ее заменить настоящих, интересных, художественных пьес советского характера. А соревнование – дело большое и серьезное, ибо только в обстановке соревнования можно будет добиться сформирования и кристаллизации нашей пролетарской художественной литературы. Что касается собственно пьесы “Дни Турбиных”, то она не так уж плоха, ибо она дает больше пользы, чем вреда» [15; С. 328].

Да, на «безрыбье» была новая литература, которой «сгодился» и Булгаков. Но на «безрыбье» творческой свободы и самому Булгакову его талант оказался платой за спасение. Кстати, привлекает внимание фраза Сталина по поводу литературно-художественной критики «но самое легкое нельзя считать самым хорошим». Эту фразу многие мастера советского критического пера не услышали, легко сделав себе карьеру на грубом и неоправданном преследовании коллег по цеху. Легкость пера ударит и по самому Сталину, ставшему сначала объектом нездорового восхваления, а затем полностью очерненного теми же перьями и с той же необычайной легкостью. Среди такого рода мастеров встречались и весьма крупные имена в истории эпохи: породнившийся с Ягодой лидер РАППа Леопольд Авербах – «бойкий и нахальный юноша, открывший в себе призвание руководить русской литературой» [4]; большой мастер «проработок» заблудших писателей Владимир Ермилов, имя которого внушало когда-то немалый страх; академик А.М.Еголин, погоревший в итоге на «сексуальном скандале» 1955 года; печально знаменитый гонитель Мандельштама и Пастернака Давид Заславский и, увы, еще многие другие.

Кстати, о Сталине и Пастернаке. История литературы полна парадоксов. Наступает оттепель 1950-х, возвращаются репрессированные, в литературу приходят новые темы... Но, казалось бы, благополучный период, следующий уже за Вторым писательским съездом (1954), омрачается самоубийством Фадеева, гонением на Пастернака. Последний оказался прозорливцем, провидев характер обрушившихся на него событий 1958 года (в связи с Нобелевской премией) еще в полном радужных надежд 1956-м. Как вспоминала О.Ивинская, рассуждая о мотивах самоубийства Фадеева и в связи с написанием в это время (1956 г.) известного стихотворения «Культ личности лишен величия» (другой вариант: «Культ личности забрызган грязью»), Пастернак высказался в том духе, что «над нами царствовал безумец и убийца /.../, а теперь — дурак и свинья; убийца имел какие-то порывы, он что-то интуитивно чувствовал, несмотря на свое отчаянное мракобесие; теперь нас захватило царство посредственностей» [8; С. 168]. Трудно ругаться за точность передачи пастернаковских фраз Ивинской, но само по себе стихотворение, омрачившее столь радостную «оттепель» образом «одних свиноподобных рож», – говорит в пользу возможности подобных рассуждений. Да, «отец народов» крепко ругал того же Платонова, но ругал – на полях платоновских произведений. Пастернака же в 1958-м убивали «всем колхозом» при том, что практически никто, включая первое лицо партии и его приближенных, романа «Доктор Живаго» не читал и не видел. Вот такая страшная гримаса «оттепели». Фраза

«не читал, но осуждаю», сказанная кем-то из собратьев-литераторов в адрес «Доктора Живаго», стала одним из устойчивых знаков той эпохи.

Проблема «писатель и власть» – вечная проблема. «Как достойно держаться писателю по отношению к власти и по отношению к оппозиции? – задается вопросом историк литературы проф. В.И.Новиков в наши дни. – Вопрос, не имеющий однозначного теоретического решения. Бывают писатели верноподданные – это либо люди ограниченные, либо циничные приспособленцы. Бывают борцы и бунтари – некоторые ригористы считают, что все творческие люди обязаны быть таковыми. А возможна ли позиция “над схваткой”, позиция разумного компромисса, когда единственная цель писателя – человечность, ослабление жестокости и смягчение политических нравов?» [13; С. 115]. Об этом размышлял и Пушкин, когда писал известную строчку, оказавшуюся теперь на памятнике Первому поэту России – «И милость к падшим призывал...»

Эпоха осталась в прошлом, но все пороки человеческой природы, омрачавшие бытие Союза советских писателей в те годы не меньше, чем сам по себе принцип партийного руководства, тоже никуда не делись. А ведь именно они, эти пороки, и становятся основанием огульной критики всего советского периода в истории страны, советской литературы, культуры того периода – как это было в 1990-х и как нередко еще бывает теперь. Нет уже Сталина, нет руководящей роли ВКП(б)-КПСС, а страсти в современных творческих союзах продолжают бушевать... Прямым наследником ССП позиционирует себя нынешний Союз писателей России (СПР), он известен как консервативный, в противовес либерал-демократам из Союза российских писателей (СРП). В чем же преемственность? В идее патриотизма, отвечают нам члены СПР. И это, оказывается, весьма важный момент для понимания значения Первого съезда.

Создается впечатление, что Первый съезд писателей в 1934 г. ознаменовал в советской культуре в том числе и веху, которая означала постепенный поворот от классово-революционной парадигмы, питавшейся идеей пролетарской солидарности всех стран и идеей мировой революции, – к парадигме национально-патриотической, окончательно оформившейся в начале Великой Отечественной войны. И именно об этом нужно говорить, поднимая вопрос о месте и роли Сталина в управлении культурой. Приведенная нами выше риторика Горького на съезде, равно как и выступления бывших РАППовцев, быстро переключившихся на работу в создаваемом ССП, – по существу отражала ценности, с которыми скоро приходилось расставаться. Идея мировой революции окажется утопической и уже не нужной Сталину в те годы. И успешное формирование того, что потом назовут таким вроде бы чуждым для советского сознания словом «культ» – было обусловлено принятием Сталиным роли отца народа, отца нации. А не роли вождя пролетариата и мировой революции. Примечательно, например, что в Германии в 1933 г. даже пришла к власти «социалистическая» партия (НСДАП), а германский пролетариат был вполне доволен жизнью, так что вскоре разразившаяся война между СССР и Германией ни в коей мере не была войной пролетариата с буржуазией, как по инерции ее еще иногда изображали

поначалу. Она стала войной за национальную независимость СССР, и что важно для нас сегодня – в конечном счете – за независимость России.

Признаки поворота в сталинской политике с начала 1930-х можно найти в целом ряде событий. 23 апреля 1932 г. выходит Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций», ставшее предтечей создания СПП и созыва писательского съезда. Тогда было решено:

- 1) ликвидировать ассоциацию пролетарских писателей (ВОАПП, РАПП);
- 2) объединить всех писателей, поддерживающих платформу Советской [стоящих за политику советской] власти и стремящихся участвовать в социалистическом строительстве, в единый союз советских писателей с коммунистической фракцией в нем;
- 3) провести аналогичное изменение по линии других видов искусства [объединение музыкантов, композиторов, художников, архитекторов и т.п. организаций];
- 4) поручить Оргбюро разработать практические меры по проведению этого решения».

Таким образом, ключевое для предшествующего периода слово «пролетарский» теряло актуальность и вместо него вводилось понятие «писатель, поддерживающий платформу советской власти». С точки зрения корректности научных дефиниций это было лучше, чем расплывчатое понятие «пролетарский писатель», равно как и «пролетарская литература». Очевидно, что изобретатели терминологического новояза 1920-х сами так и не смогли четко определить границы между пролетарской и непролетарской литературой. Тем более, что основатель первой Максим Горький в строгом смысле ни по рождению, ни по положению, ни по духу пролетарием не был. В свою очередь, на тему труда писали и симпатиями к рабочему классу отмечались многие «буржуазные» писатели. Так что, рано или поздно все равно нужно было уходить от этой терминологии, чтобы не морочить головы следующим поколениям литературоведов.

Характерно также направленное накануне Первого съезда писателей письмо Сталина членам Политбюро в связи с готовящейся по случаю 20-летия начала Первой мировой войны публикацией статьи Ф. Энгельса «Внешняя политика русского царизма». Сталин в нем весьма деликатен, он по традиции отдает дань уважения заслугам со-основателя марксизма, но при этом делает вывод о нецелесообразности печатания такой статьи, если речь идет не о Собрании сочинений Энгельса, а о «боевом» органе партии, каковым является журнал «Большевик». Ведь журнал, отмечает Сталин, это руководящий и направляющий орган для партийцев, а статья Энгельса не удовлетворяет своей русофобской направленностью, когда Россия выставляется по существу главным агрессором по отношению к другим европейским странам. «Энгельс, – пишет Сталин, – встревоженный налаживавшимся тогда (1890–1891 годы) франко-русским союзом, направленным своим острием против австро-германской коалиции, задался целью взять в атаку в своей статье внешнюю политику русского царизма и лишить ее всякого доверия в глазах

общественного мнения Европы и прежде всего Англии, но, осуществляя эту цель, он упустил из виду ряд других важнейших и даже определяющих моментов, результатом чего явилась односторонность статьи» [16; С. 23]. Еще недавно жесткая критика «русского царизма» была общим местом в советской пропаганде и не подлежала никаким коррективам и смягчениям. Теперь ситуация меняется. Национальные интересы начинают превалировать над принципами классовой борьбы пролетариата.

И еще раз о партийном руководстве литературой. Едва ли справедливо с позиций сегодняшнего времени последовательно осуждать установку писателям стать своего рода стимуляторами развернувшегося в те годы грандиозного строительства и воспевать труд. Плодами тех самых «великих строек коммунизма» мы пользуемся до сих пор. И не секрет, что основа сегодняшнего индустриального и военного потенциала России была заложена тогда. Многие заводы, электростанции, транспортные магистрали, аэродромы и космодромы – создавались в ту эпоху и служат России по сей день. Еще одной возложенной на литературу функцией патриотического воспитания оказалась моральная подготовка к грядущей войне. И это тоже сработало. Война была неизбежна, и робкие попытки некоторых наших современников доказать, что она разразилась «благодаря Сталину» и милитаризации экономики в СССР, – на наш взгляд, выглядят ненаучно, а в моральном плане кощунственно по отношению к жертвам, понесенным нашим народом ради мирного будущего. Очевидно, что власть предрешающая всегда и всюду стремится максимально влиять на процессы в культуре и, в первую очередь, в литературе. Социолог коммуникаций Денис МакКуэйл писал когда-то о том, что медиа все время пребывают в русле общих процессов борьбы за власть и за прибыль, так что никогда не смогут вырваться из нее. Литература, если она не пишется в стол, – подчиняется тем же закономерностям социального процесса. Советская система попыталась избавить ее от диктата коммерции (прибыль), от диктата власти литературу она избавить не могла, объясняя это необходимостью существования государства до тех пор, пока оно не отомрет окончательно на пороге коммунизма.

Главное же значение Первого съезда состояло в самом факте предоставления возможности огромному числу самых разнообразных по творческой манере писателей из разных стран и представителям читательской аудитории – собраться вместе и поговорить о литературе.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Антипина В. А. I съезд советских писателей // Объединенный научный журнал. – 2003. – № 32. – С. 54–65.

[2] Антипина В. А. Повседневная жизнь советских писателей. 1930-1950-е гг. – М.: Молодая гвардия, 2005.

- [3] *Ахматова А. А.* Листки из дневника. Воспоминания о Мандельштаме // *Звезда*. – 1989. – № 6. – С. 20–38.
- [4] *Бажанов Борис.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СПб.: Всемирное слово, 1992. – URL: <http://www.famhist.ru/famhist/bajanov/00017c97.htm#00000bfb.htm>
- [5] *Борис Пастернак. З. Н. Пастернак.* – М.: ГРИТ, Дом-музей Б. Пастернака, 1993.
- [6] *Быков Д. Л.* Советская литература. Краткий курс. – М.: ПРОЗАИК, 2013.
- [7] *Воронов Вл.* Первый съезд писателей // Первый Всесоюзный съезд советских писателей. 1934. Стеногр. отчет. Приложения. – М.: Сов. писатель, 1990. – С. 3–8.
- [8] *Ивинская О. В.* Годы с Борисом Пастернаком. В плену времени. – М., 1992.
- [9] *История русской советской литературы (1917–1940): Учеб. для студ. пед. ин-тов по спец. 2101 «Рус. яз. и лит.» : 2-е изд. / Под ред. А. И. Метченко, С. М. Петрова.* – М.: Просвещение, 1983.
- [10] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 12. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1968. – С. 101.
- [11] *Материалы к Первому съезду писателей / Вступит. заметка, публ. и подг. текста П. Л. Вахтиной и Л. Б. Вольфцун // Звезда.* – 1995. – № 4. – С. 206– 226.
- [12] *Моциэнков В. Э.* Первый Всесоюзный съезд советских писателей (1934 г.) и его место в литературной жизни СССР . – URL: <http://www.main.vsu.ru/~CdH/Articles/07-04.htm> (дата обращения: 01.08.2014).
- [13] *Новиков В. И.* Пушкин. – М.: Мол. гвардия, 2014. – (Мал. серия ЖЗЛ).
- [14] *Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет.* – М., 1934.
- [15] *Сталин И. В.* Ответ Билль-Белоцерковскому // *Сталин И.В. Сочинения.* Т. 11. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1951. – С. 326–329.
- [16] *Сталин И. В.* О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма»: Письмо членам Политбюро ЦК ВКП(б) 19 июля 1934 года // *Сталин И.В. Сочинения.* Т. 14. – М.: Изд-во «Писатель», 1997. – С. 18–23.
- [17] *Святославский А. В.* К проблеме формирования образа И.В.Сталина в отечественной коллективной памяти с 1930-х гг. до современности // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории.* № 35. – М.: ИВИ РАН, 2011. – С. 95–118.

© Святославский А. В., 2014.

Статья поступила в редакцию 9 августа 2014 г.

Святославский Алексей Владимирович,

доктор культурологии,

профессор филологического факультета Московского педагогического

государственного университета (Москва)

e-mail: ale1906@yandex.ru

UDC 821.161.1

Svyatoslavsky A.

THE FIRST SOVIET WRITERS CONGRESS (1934) IN HISTORICAL PERSPECTIVE

Abstract. The paper devoted to the analysis of changing attitude of Russian literary criticism to the First Soviet Writers Congress (1934) as well as to the Union of Soviet Writers.

Key words: the First Soviet Writers Congress (1934); the Union of Soviet Writers; Stalin and Soviet literature.

Svyatoslavsky Alexey Vladimirovich,

Dr. Cult., Moscow State Pedagogical University, Philological Dept. (Moscow),

e-mail: ale1906@yandex.ru